

СОЦИОЛОГИЯ: ПРИЗВАНИЕ И ПРОФЕССИЯ

ИНТЕРВЬЮ С ПРОФЕССОРОМ НИЛОМ СМЕЛЗЕРОМ

— Дорогой Нил, в первую очередь я хочу искренне поблагодарить за то, что вы согласились дать интервью нашему журналу. Если позволите, начнем наш разговор с того, как начинался ваш путь в профессию и почему, собственно, вы выбрали социологию?

— Я поступил в Гарвардский университет осенью 1948 г., а степень доктора (Ph.D) получил в 1958 г. Это было спокойное послевоенное десятилетие, несмотря на то, что именно в это время холодная война набрала полную силу. Оно включило и Корейскую войну, и эру маккартизма. В начале моего обучения в колледже, в 1951 г., когда китайские войска двинулись в Корею, вооруженные силы расширили призыв. Перспектива быть призванным в армию и определила следующие семь лет моей жизни. В тот момент я был уверен, что меня отправят служить на два года. Пока я учился в колледже, этого не произошло, но летом 1952 г. я был классифицирован как 1-А и призван на службу. Я попросил о беседе с моей призывной комиссией в Фениксе, штат Аризона, потому что знал, что Стипендия Родса*, а я был удостоен ее в год выпуска, была признана основанием для отсрочки на два года ее действия. Но патриотичные члены призывной комиссии открыто и жестко критиковали меня за нежелание служить своей стране и отклонили мое прошение об отсрочке. У меня оставалась одна возможность — обратиться в призыв-

* Стипендия, вручаемая студентам из разных стран для обучения в Оксфордском университете, Великобритания — *прим. пер.*

ную комиссию штата, что я и сделал. Тогда я получил отсрочку и смог на два года уехать за границу, в Оксфорд. Я был очень рад этому, потому что предпочитал продолжить обучение, а не тратить время на военную службу, хотя и не был идеологическим противником Корейской войны и не отвергал военную службу как принцип.

— *Вы упомянули о «маккартизме»... Оказала ли влияние на ваше обучение и становление как ученого антикоммунистическая риторика и «коммунистическая фильтрация» американского общества, провозглашенная сенатором США Джозефом Маккарти в 1950-е гг.?*

— Действительно, на мои два года в пребываниях Англии (1952—1954) выпало тяжелое время маккартизма, и многие из тех, кто получал стипендию вместе со мной, ощущали политический запрет на интерес к левым политическим движениям Англии. Многие из них не слышали речь бывшего премьер-министра от лейбористской партии Клементы Эттли, поскольку купить на нее билет значило присоединиться к клубу молодых социалистов, а мои соученики боялись воздаяния от правого политического крыла. Я же посетил эту речь без каких-либо для себя последствий. Британские студенты и преподаватели часто критиковали меня за маккартизм: они, кажется, полагали, что как американец я несу некоторую ответственность за это движение и должен защищать свою страну.

По возвращении на родину я все еще подлежал призыву, но сделал запрос и получил отсрочку еще на два года, а за это время было принято решение не призывать людей, достигших 26 лет.

— *Вы неоднократно упоминали, что в период обучения вас интересовало очень многое в социальном знании: клиническая психология, психоанализ, философия, журналистика. Как получилось, что «перевесила» социология?*

— Выбор специальности оказался для меня довольно трудным. Меня тянуло к философии, в основном потому, что мой отец преподавал философию в Колледже Феникса (Phoenix Junior College), а мой старший брат Билл учился на магистерской программе по философии в Беркли, Калифорния, хотя впоследствии он и изменил направление и получил степень Ph.D по специальности «клиническая психология». В первые годы в колледже я выбрал один курс по истории философии и один по этике, но интеллектуальный стиль философствования не привлекал меня: возможно, он казался мне слишком умозрительным. Я также понимал, что на меня влияет отец, а его влияние я отверг без лишних рассуждений.

Кроме того, в средней школе я работал журналистом, и первые два года летних каникул в колледже служил репортером в газете Arizona Republic. Если бы я последовал по этому пути, следующим шагом было бы устроиться в знаменитую студенческую газету Harvard Crimson. Но я чувствовал разочарование в журналистской культуре, казавшейся мне

циничной, и постепенно отказался от этой карьеры. В то же время меня очень заинтересовал факультет социальных отношений Гарварда, в нем объединялись социальная антропология, социология, клиническая психология и социальная психология. Я был вдохновлен некоторыми профессорами социологии (в особенности Толкоттом Парсонсом), хотя вводный курс в социальную антропологию Клайда Клакхона произвел на меня отрицательное впечатление. Клиническая психология также заинтересовала меня, но думаю, что решение брата заняться ею в какой-то мере отвратило меня от этого пути.

Ко времени выпуска из Гарварда я уже знал, что хочу строить академическую карьеру в социологии, но в университете Оксфорда не было факультета социологии. Это поле никогда не вызывало уважения в Оксфорде, оксфордские преподаватели смотрели на мой интерес к социологии как на неприятное обстоятельство. Вместо того чтобы проявлять этот интерес и дальше, я читал литературу по философии, политике и экономике — наукам, соседствующим с социологией, что впоследствии оказалось чрезвычайно полезным. Меня не захватила ни философия повседневного языка, ни формальная экономическая теория (казавшаяся мне ограниченной из-за своего формализма), хотя я добросовестно изучал и ту, и другую. Наибольший отклик вызвали во мне вопросы британской политической и экономической истории.

Но своим переходом в аспирантуру по социологии, да и своими ранними публикациями я обязан Толкотту Парсонсу.

— *Не могли бы вы остановиться подробнее на вашей совместной работе с Толкоттом Парсонсом?*

— Осенью 1953 г. Толкотт Парсонс был приглашен читать лекции в университет Кембриджа. Его попросили включить в этот курс лекции Маршалла по экономической теории. Он избрал амбициозную тему: интеграцию экономической и социологической теории. После презентации он послал мне копию рукописи (тогда мы не были знакомы близко, но он знал меня достаточно, чтобы быть осведомленным о том, что в Оксфорде я читаю литературу по экономике). Я тщательно изучил материал и обнаружил некоторые изъяны в интерпретации современной экономической науки. Я набрался мужества и выслал ему обширную и подробную критику лекций. Парсонс не только принял эти замечания, но и попросил меня приехать в Кембридж на два дня, чтобы обсудить вопросы, которые я поднял. С этого началось наше сотрудничество, результатом которого стала книга «Экономика и общество» (Parsons, Smelser 1956), опубликованная, когда я был еще аспирантом. Я вернулся в Гарвард осенью 1954 г., чтобы продолжить постдипломное образование. Мы продолжили сотрудничество, и в этот же год я выполнил все требования для получения степени доктора, кроме защиты диссертации. Кроме того, мне также посчастливилось быть избранным

в общество стипендиатов на три года непрерывной научной работы, и я получил возможность защитить докторскую диссертацию (Smelser 1959) в рамках этой стипендии.

Парсонс оказал на меня сильное влияние. Он в значительной степени определил мой выбор в пользу социологии, а не других дисциплин факультета социальных отношений. Он был моим учителем и наставником в последующие годы и избрал меня в соавторы крупной теоретической работы. Это сотрудничество было необычным, оно повлияло на меня и вдохновляло меня. Оно также определило раннее начало моей научной карьеры, и, я уверен, именно этому сотрудничеству во многом я обязан за приглашение в один из лучших университетов нашего времени, последовавшее незамедлительно.

— И тем не менее, впоследствии ваши взгляды с Толкоттом Парсонсом разошлись...

— Да, я сохранял близкие личные и профессиональные отношения с Парсонсом вплоть до его смерти в 1979 г. Тем не менее, бросая взгляд в прошлое, я вижу, что испытывал и противоположные побуждения: уйти от влияния Парсонса и избегать или исправлять слабые места его версии функционализма. Одним из основных мотивов отъезда в Беркли в 1958 г. (хотя тогда же я получил предложение занять вакансию в Гарварде) было именно желание уйти из-под тени Парсонса. Мне даже пришлось открыто и прямо сказать ему, что я хочу «открыть свою лавочку». Позднее я отклонял его приглашения на конференции и сопротивлялся попыткам продолжить наше сотрудничество, и я не принял приглашения вернуться в Гарвард в год его ухода на пенсию — в 1970 г., — не желая символически замещать этого великого теоретика. Дальнейшие размышления убедили меня, что в первых трех крупных самостоятельных работах (Smelser 1959; Smelser 1962; Smelser 1963) я, помимо прочего, пытался доказать, что способен успешно заниматься подробным и тщательным эмпирическим анализом, социальными изменениями и систематическим анализом конфликта и власти — теми областями, в которых Парсонса критиковали и в которых он потерпел неудачу. Я также признавал классическую марксистскую социологию как законную теоретическую традицию, тогда как Парсонс проявлял к ней неизменную враждебность.

Несмотря на эти отклонения от парсонсианского функционализма, сотрудничество с Парсонсом принесло мне имя социолога-«функционалиста». Имя это в свете новых направлений и методов моих последующих исследований было ошибочным и неоправданным. Я не обращал внимания на этот устойчивый стереотип, особенно с тех пор, как массивная критика 1960-х и 1970-х гг. стигматизировала этот термин. Некоторые социологи Европы и стран третьего мира, выступавшие против моей кандидатуры на выборах президента Международной Социологи-

ческой Ассоциации в 1990 г., использовали имя «функционалиста», чтобы меня дисквалифицировать. Хотя живучесть этого стереотипа раздражала меня как ученого, я никогда открыто не высказывался о том, каков или каким должен быть мой имидж, полагая, что подобные объяснения стали бы пустой тратой времени.

— *Итак, выбор в пользу социологии сделан. Как определяются ваши стиль, методы исследования, научные интересы в этот период?*

— Хотя я известен главным образом как социолог, моя жизнь в профессии развивалась и по иным направлениям.

В своих исследованиях я был связан с другими дисциплинами: с экономикой, историей, психологией, антропологией и политической наукой. Конечно, участие в междисциплинарных программах Гарварда и Оксфорда подготовило меня к этому, но склонность к выходу за границы дисциплин ради прироста знания нашла меня очень быстро.

Я выполнял и другие задачи социологической профессии. Я был одним из самых молодых (32 года) редакторов журнала *American Sociological Review* в 1962–1965 гг. В то время эта должность влекла за собой трехлетнее членство в руководящем Совете Американской социологической ассоциации (ASA). Это был первый из четырех моих сроков в Совете, в один из которых я был вице-президентом (1972–1975), в другой — президентом (1996–1998) АСА. На протяжении научной карьеры я был также глубоко вовлечен в работу Международной социологической ассоциации (ISA): как обыкновенный участник, как основатель (вместе с Фернанду Энрике Кардозу) исследовательского комитета по экономической социологии и как вице-президент (1990–1994). Что касается социальных наук в более общем смысле, я был членом или сопредседателем нескольких учреждений (Smelser, Davies 1969; Luce et al. 1988), со-редактором в объемной Международной энциклопедии социальных и поведенческих наук (Smelser, Baltes 2001), а в последние семь лет активной работы (1944–2001) возглавлял междисциплинарный Центр углубленного изучения поведенческих наук в Стэнфорде (Interdisciplinary Center for Advanced Study in the Behavioral Sciences at Stanford). Многие могут считать все это нежелательными отклонениями от научной карьеры, и эта деятельность действительно забирала время и энергию, но я почти никогда не возмущался и не сожалел о ней.

Много занимался я и так называемой административной работой. Был советником в частных фондах, научных обществах и правительственных организациях, исполнял роли администратора и консультанта в родном Калифорнийском университете в течение сорока лет, возглавлял кафедры (1974–1976; 1992–1993), был помощником главы университета (Chancellor) по политической деятельности студентов (1965) и по развитию образования (1966–1968), председателем крупных комитетов и ученого совета Беркли (Berkeley Academic Senate) (1983–1985), а также

председателем ученого совета системы Калифорнийского университета (University of California Systemwide Academic Senate) (1987–1989). Периодически я работал неофициальным или официальным советником нескольких глав университета и президента системы Калифорнийского университета. Эта служба принесла мне уникальную роль — роль влиятельного советника, наделенного властью, но без формальной административной ответственности, — роль наиболее приятную. В результате этой работы я получил ряд предложений и пробных приглашений занять должность декана, главы университета или президента в ряде университетов. Однако по этому вопросу я сознательно провел черту и отвергал эти предложения, зная, что если приму их, придется принести в жертву мою первую и самую сильную любовь — академическую науку.

— *Если можно, давайте поговорим о вашей «исследовательской лаборатории». Как вы работаете? Как возникают темы и направления ваших исследований? Каким образом вы подходите к формулировке «исследовательских вопросов»?*

— Как социолог я занимался «старомодными» темами, при этом часто углублялся в первичные источники (особенно в двух монографиях по британской социальной истории (Smelser 1959; Smelser 1991), т. е. работал в библиотеке, а не в поле или с обширными массивами данных. Я всегда свободно чувствовал себя, двигаясь от эмпирического анализа к теоретическому, и наоборот. Кроме того, я всегда придерживался принципа: если я заявил что-то по той или иной теме (например, по социальным движениям (Smelser 1962) или методам сравнительного исследования (Smelser 1976), я оставляю свои выводы и не занимаюсь их пересмотром, не переиздаю их, не готовлю вторых изданий, не отвечаю на критику и не сражаюсь с ней. Стиль многих ученых таков, что они долго и настойчиво исследуют одну тему, я же стремился завершить начатое и следовать по новому пути. Нельзя сказать, что для меня это предмет особой гордости, однако это отличительная черта моей научной работы.

Я всегда гордился стилем письма, и многие отмечали его ясность по контрасту с многим из того, что пишут социологи. Все, что справедливо в этих утверждениях, я отношу к своему опыту в журналистике: для журналистского стиля изложения свойственно заботиться о ясности и прямоте. Работая над текстом, я умышленно брал на себя работу редактора; я переписывал каждое предложение в рукописи «Экономики и общества», добиваясь понятного изложения сложного теоретического материала, и получал лишь минимум возражений от Парсонса. А в различных комитетах, где я был председателем, брал прямую личную ответственность за язык черновиков и окончательного варианта. Мне всегда было легко писать, я никогда не испытывал «писательского ступора». Готовя текст (главу книги, статью), я обычно ощущал попадание

в ритм, при котором процесс написания получал импульс и ускорялся. Наконец, мой стиль работы над рукописью изменялся со временем. Сначала я очень быстро писал черновик, после чего подготавливал второй, третий, четвертый и даже пятый его вариант. Именно так появились моя диссертация и другие ранние публикации. Позднее я стал писать медленнее, но большая часть написанного оставалась в окончательном варианте. Возможно, это отчасти объясняется увеличением возможностей редактирования, связанных с компьютером, однако я заметил это изменение в стиле до того, как научился работать с компьютером. Я полагаю, что эта перемена отражает рост уверенности в способности писать.

— *Сегодня в американской литературе очень популярны темы «кризиса» в мировой социологии. Специалисты по-разному оценивают взаимоотношения американской социологии и мировой социологии. Как вы оцениваете эти связи?*

— Годы обучения на кафедре социальных отношений в Гарварде совпали для меня с весьма оптимистичным периодом для социальных наук вообще и для социологии в частности. Эмпирическая социология делала значительные успехи в области массовых опросов и статистических методов; перспективы «прикладной социологии» усиливались благодаря выдающимся исследованиям военной жизни, опубликованным в книге «Американский солдат» (Сэмюэль Стоффер), а также благодаря работе Бюро прикладных социальных исследований (Bureau of Applied Social Research) в Колумбии. Были сильны надежды на обобщение и унификацию теорий, связанные с работой Парсонса и Роберта Мертона, которые каждый по-своему способствовали этому. Я ощущал этот оптимизм в студенческие годы, но никогда не был охвачен им всецело. Я всегда признавал ценность систематического теоретизирования и был уверен, что большинство методов научного исследования способны предоставить надежное знание, прилагаемое на практике, однако перспективы научно организованной социальной реформы вызывали у меня сомнения, я также не доверял цветистым аналогиям между естественными науками и науками социальными и поведенческими. В преподавательской деятельности, особенно в преподавании социологической теории студентам и аспирантам, я всегда пытаюсь увязать теории социальных наук с эмпирическими и практическими вопросами. Я также неизменно стремлюсь определить теоретические связи и общие темы для разных социологических подходов, которые часто рассматриваются как противостоящие. Это соответствует тому, как я вижу стиль построения «мостов» между теориями.

Кроме того, неизменный интерес к социологической теории побудил меня обратиться к европейской социологии, в особенности потому, что интерес к общей теории в Соединенных Штатах начал затухать

в 1970-е гг., что продолжается до сего дня. За эти годы я установил отношения — от поверхностного знакомства до дружбы — со многими европейскими теоретиками. Среди них Дэвид Локвуд, Дональд МакРей, Перси Коэн, Рэймонд Фёрт и Эндони Гидденс в Великобритании; Франсуа Бурико, Ален Турен, Раймон Будон, Мишель Крозье (но не Пьер Бурдьё) во Франции; Ральф Даррендорф, Юрген Хабермас, Никлас Луман и Вольфганг Шлухтер в Германии; Франко Феррарати и Альберто Мартинелли в Италии, Петр Штомпка в Польше. Хотя область моих научных интересов радикально отлична от того, чем занимаются многие из этих ученых, в наших отношениях я вспоминаю лишь интеллектуальную доброжелательность и взаимоуважение.

— *Читателям нашего журнала было бы очень интересно узнать ваше мнение о развитии социологии в России.*

— Из-за холодной войны и ее влияния на деятельность Международной Социологической Ассоциации (ISA) мои отношения с русскими и советскими учеными были довольно напряженными и отстраненными, однако я завел несколько дружеских знакомств: с Андреем Здравомысловым, Владимиром Ядовым и Татьяной Заславской. На собраниях МСА они и другие советские ученые были весьма искренними и открытыми, особенно на неофициальных встречах. Я знаю, что мои работы по экономической социологии и тексты по общей социологии широко известны в России, особенно после перевода моего учебника «Социология» в 1990-е гг. (Смелзер 1994). Я посетил Санкт-Петербургский государственный университет (тогда Ленинградский государственный университет) в 1987 г., участвуя в организации программ студенческих обменов с Калифорнийским университетом, но встретил тогда лишь немногих отдельных социологов. В 1989 г. я читал лекции в Москве, Новосибирске и Таллинне и обнаружил, что слушатели очень интересуются американским обществом и американской социологией, а к марксистской и неомарксистской социологии настроены очень критически. Я был особенно тронут тем, что в Новосибирске меня слушали множество преподавателей социологии и студентов, очень хорошо знакомых с моими работами по экономической социологии.

— *Вы были руководителем и редактором Энциклопедии социальных наук. Расскажите о работе над этим проектом.*

— Это предприятие — один из самых важных и самых приятных эпизодов моей карьеры.

Проект появился так. В начале 1995 г., вскоре после того, как я принял пост руководителя Центра в Стэнфорде, два представителя крупнейшего издательства Elsevier, находящегося в Оксфорде, обратились ко мне. Они желали знать, возможно ли создать полную международную энциклопедию, которая бы следовала за энциклопедиями 1935 и 1968 гг. Эти люди даже не намекнули на то, чтобы я возглавил этот проект, они

ждали лишь моих мыслей и суждений. В конце встречи меня спросили, мог бы я собрать несколько (возможно, дюжину) ведущих представителей социальных и поведенческих наук, чтобы рассмотреть эту идею в Центре. Я согласился. Встреча была чрезвычайно успешной: пришедшие ученые не только поддержали идею, но и высказали предложения об организации энциклопедии. Люди из издательства, как и я, были очень довольны встречей, и я предложил организовать вторую, главным образом с европейскими учеными. Такая встреча была необходима, полагал я, чтобы энциклопедия была действительно международной. Мы запланировали эту встречу на лето 1996 г. в шведском городе Упсала.

Примерно за два месяца до встречи в Упсале представители издательства связались со мной и сразу попросили меня стать редактором энциклопедии. Это не стало для меня полной неожиданностью (в конце концов, они поручили мне руководить исследовательской частью), однако я был в смятении. Работа была гигантской: выбрать несколько десятков помощников, утвердить более 4000 статей и авторов, проследить за подготовкой 26 толстых томов текста, и все это к 2000 г.! И, наконец, я был сильно занят на постоянной работе как руководитель Центра. Я опасался, что совет попечителей будет против моей кандидатуры, полагая, что я стану пренебрегать обязанностями руководителя (я также этого боялся). Я сказал представителям издательства, что не могу дать окончательный ответ, но не отказался. Я согласился поехать в Упсалу и провести вторую встречу, которая также была очень успешной.

Пару месяцев спустя я решил принять предложение при условии, что мы найдем соредактора в Европе (как в интересах проекта — чтобы он стал полностью международным, — так и чтобы снять с меня часть бремени) и продлим срок работы, поскольку управиться до 2000 г. было невозможно. Тем временем я вел интенсивный диалог с советом попечителей. Некоторые из них были против того, чтобы я стал редактором энциклопедии, но в конце они сказали, что решение за мной, если я полагаю, что смогу совмещать редакторскую работу и продолжать эффективно руководить Центром. Тогда я сразу же предложил на роль соредактора Пауля Балтеса, наиболее выдающегося немецкого психолога и директора берлинского Института Макса Планка по образованию и развитию. Я желал работать именно с ним и провел яростную кампанию, чтобы склонить его к участию в проекте.

С согласия Пауля Балтеса мы перешли к действию. Мы условились, что он придет в Центр в 1997–1998 гг., чтобы в течение года мы работали вместе. Без промедления выделив главные разделы энциклопедии, мы перешли к первостепенной задаче — собрать наилучших помощников. После того как группа помощников была создана, мы провели общую встречу, на которой присутствовали почти все из них, и провели

несколько безумных дней, согласовывая приоритеты, избегая повторов и обсуждая, каких авторов мы бы желали привлечь для отдельных статей.

Я не стану перечислять всю огромную работу, которую мы проделали в следующие годы, работу, кульминацией которой стала энциклопедия, изданная в конце 2001 г. Я лишь укажу на некоторые ее особенности и проблемы.

Издательство Elsevier выделило нам достаточно денег и обеспечило логистику, которая помогла избежать проволочек и затруднений. Они предоставили нам полную редакторскую власть. Выручала и электронная коммуникация. Мы могли незамедлительно посылать по всему миру рукописи, требования исправлений и исправленные варианты. Работа над энциклопедией 1968 г., в два раза меньшей по объему, заняла двенадцать лет, работа над нашей — около шести. Причина этого — новые технологии. Главной «головной болью» стали политические вопросы. Ученые — территориальные животные, и наши споры показывали, какие области и темы вызывали напряжение, иногда столь острое, что звучали угрозы выхода из проекта. Иногда мы с Паулем чувствовали себя дипломатами, а не интеллектуалами, вовлеченными в общее дело. Еще больше споров возникало, когда мы с Паулем требовали исправить статьи. А когда мы были вынуждены полностью отвергнуть текст (хотя это происходило крайне редко), возможность судебного разбирательства (разрыва контракта) витала в воздухе, хотя ни разу так и не воплотилась в жизнь.

Редакторы и издатель согласились включить в энциклопедию 150 биографий выдающихся представителей социальных и поведенческих наук, всех уже покойных. Заинтересованные редакторы, и не только они, сражались за включение и за исключение имен из этого списка, и нам приходилось прилагать усилия, чтобы свести к минимуму обвинения в своеволии. Нам было трудно достичь равновесия и разнообразия в предприятии, которое, помимо прочего, требовало и этого. В частности, нам приходилось сражаться против преобладания американцев среди помощников редакторов и авторов, потому что с доминированием США в социальных науках американские ученые стали более заметными и более доступными. Мы столкнулись с той же проблемой при поиске достаточного числа женщин-редакторов и авторов. Мы с Паулем активно спорили с помощниками, чтобы обеспечить разнообразие в этих, как и в иных аспектах.

В конечном счете, энциклопедия вышла на свет. Для меня это действительно прекрасная вещь. Энциклопедия хорошо продавалась, несмотря на ее цену. По моему мнению, это огромное интеллектуальное свершение и кульминация опыта моей жизни, и я рад, что она существует.

— *Нил, мы с вами только что участвовали в блестяще организованном на факультете социологии университета г. Тренто круглом столе, посвя-*

ценном будущем социологов (The Futures of Sociologists 2010). По-моему, это был действительно интереснейший обмен мнениями, который вызвал очень бурную дискуссию. Не могли бы вы сформулировать ваши взгляды на будущее не только социологов, но и социологии? Что вы думаете о наиболее острых, стоящих на повестке дня проблемах, призванных объединить научные интересы и усилия социологов?

— Не стану делать грандиозных предсказаний, ограничусь лишь наблюдениями общего характера.

Одна из главных тем для судьбы социальных наук — это накопление знания. Накопление предполагает, что научное знание кумулятивно: не останавливаясь в экспериментах и открытиях, наука опирается на прошлое знание и в то же время оставляет его позади, выявляя его ошибочность или ограниченность. При этом исследования по истории науки превращаются главным образом в вопрос любопытства. Так выглядит классическая модель развития научного знания и исследования. Справедлив ли данный сценарий для естественных наук и наук о жизни, спорно, особенно после публикации «Структуры научных революций» Томаса Куна (Kuhn 1972) и последующих постмодернистских атак на науку.

Так это или нет, картина развития социальных наук — это не упорядоченное накопление нового знания при отвержении старого. Скорее, это история непрерывного изобретения новых и возрождения старых теорий или перспектив, которые захватывают воображение группы ученых и влекут за собой всплеск исследовательской активности и продвижения этих теорий, а также объединение ученых в «подход» или «школу». Однако через некоторое время после начала этого процесса появляется теоретическая и эмпирическая критика направления, свойственных ему ошибок, ограничений и искажений. Весьма часто сами критики стремятся создать новые или возродить старые концептуальные рамки, которые бы заменили устаревшие. Затем новые направления превращаются в подходы или школы, также подверженные динамике изобретения, разработки, консолидации, атаки и переработки.

Для этой динамики характерно, что «более древние» подходы почти никогда не умирают всецело. Некоторые действительно исчезают без следа, но чаще подход продолжает существовать или на время уходит в подполье, чтобы затем появиться в измененной форме, часто с приставкой «нео» перед старым названием: неокейнсианство, неомарксизм, неофункционализм — и снова превратиться в научную школу. Этот процесс, повторявшийся в истории наших дисциплин сотни раз, приводит к накоплению разнородного знания: к богатству и разнообразию парадигм, школ, подходов и их разновидностей. Но это не модель накопления последовательных открытий, приводящих к отказу от прошлого знания. Более того, данный процесс способствует дальнейшему откло-

нению социальных наук от модели более или менее связанных парадигм. Я не вижу причины полагать, что этот сценарий перестанет работать: не сценарий накопления знания в идеализированном смысле, но сценарий его экспансии и увеличения разнообразия.

Тесно связан с первым моим наблюдением и дополняет его поколенческий принцип. Возможно, из-за универсальной склонности людей отвергать общепринятую мудрость отцов, возможно, из-за того, что в науке очень важно утвердить свое имя и занять свою нишу, в профессиональной жизни мы склонны отвергать распространенные взгляды и замещать их новыми, своими собственными. Это может быть верным в отношении своего учителя или, в более общем виде, в отношении прославленных фигур старшего поколения. Поколенческий принцип предполагает существование академических ритуалов, когда демонстрируют, что взгляды старших ошибочны, ограничены, пристрастны или по иным причинам непригодны, а затем строят на этой критике иной концептуальный аппарат, настаивая на его уникальности. Это влечет за собой механизм появления все новых подходов и постоянного усовершенствования знания. Но старое не исчезает всецело. Таким образом, поколенческий принцип подкрепляет модель разрастания дисциплины.

Также имеет значение увеличение числа социальных проблем, социологическая «погоня» за ними, игра в их поиск, анализ и частичный отказ от устаревших результатов исследования. Ключевой принцип развития обществ в несколько последних веков — это развитие новых социальных проблем, обращение к ним ученых и общественный интерес к их разрешению. Позвольте мне упомянуть лишь о некоторых из них. Это проблемы на рынке труда и деловые циклы, постоянно создающие и обостряющие безработицу и бедность. Это новые профессиональные роли, породившие заботу о разных формах профессионального стресса, включая «выгорание». Это усложнение и увеличение способов взаимодействия систем, таких как атомные электростанции, системы воздушного транспорта, вооружения, банковские системы и больницы, что привело к озабоченности проблемой системных ошибок, обобщенной в понятии постмодернистского «общества риска». К ним можно добавить новые «проблемы», связанные с технологическими достижениями в компьютерной сфере: хакерство, кража знаний и «кража персональных данных». Все это подчеркивает общий принцип: увеличивающаяся неопределенность — отличительная черта того комплекса изменений, который мы называем развитием.

Глобализация принесла с собой и будет ускорять появление социальных проблем. Возьмем лишь следующие примеры. Это быстрый рост проблем истощения, деградации и загрязнения окружающей среды и увеличение неравенства в распределении доходов между нациями и внутри наций. Это распространение болезней, в основном из-за уве-

личения международной мобильности людей, и международный секс-туризм. Это сопротивление глобализации, включая восстановление региональной, локальной и религиозной идентичности и чувств. Это новые образцы межпоколенческих отношений и конфликтов между «глобализированной» молодежной культурой, подверженной влиянию международных потоков музыки, кино, рекламы, с одной стороны, и традиционными локальными и национальными культурами, с другой. Это увеличение разнородности местного населения (чему особенно способствует международная миграция), которое именуют гибридизацией, креолизацией, диверсификацией, плюрализмом и мультикультурализмом. Это усиление старых и появление новых правовых проблем, а также новые проблемы и уязвимые места национальных государств, на чьи судьбы все больше влияют международные экономические, политические и культурные силы: национальные правительства имеют над ними все меньший контроль, но несут ответственность и зачастую обязаны отчитываться за них, что, в свою очередь, будет способствовать изменению на нашем общем поле в пользу «прикладного» направления.

— *Видите ли вы недостатки современных социальных исследований и, если да, то какие? Как вам представляется, на что должны быть направлены сегодня усилия социологов?*

— Несмотря на очень сильный реформистский импульс, существующий в социологии, социологи склонны обращаться именно к тем проблемам, которые очевидно поддаются некоторому «реформированию». Например, к преступности, проституции, социальному неравенству и бедности. Но, по иронии, поле нашей науки часто игнорирует или, по меньшей мере, кажется слабым в разрешении тех «непреодолимых» социальных проблем, которые могут казаться в принципе неразрешимыми или трудными для исследования. Вот некоторые примеры:

- социология войны — хронически слабое поле, несмотря даже на то, что достаточное внимание уделялось социологии конфликта;
- практически полностью отсутствует социологический анализ ядерного конфликта, по контрасту с интересом к нему политических ученых и теоретиков сдерживания (теория игр);
- социологи почти полностью игнорируют терроризм как поле исследования, если сравнивать с заинтересованностью этой проблемой политических ученых, историков и даже психологов;
- социология окружающей среды выглядит слабой на фоне усилий, предпринимаемых в экономике, праве, инженерии и в некоторых естественных науках.

Кажется, что социологи обнаруживают парадокс реформизма: они сторонники реформ, но их версия реформизма предполагает следующее: поскольку что-то может быть сделано, социологи должны избегать непреодолимых проблем, где, как предполагается, не может быть

сделано ничего. Из этих наблюдений следует, что интерес к общей социологической теории будет продолжать падать из-за неуклонного роста специализации и даже фрагментации поля. Социологи будут стремиться найти себя в узких нишах, и, каким бы ни был их теоретический фокус, будет иметь место все большая специализация. Экономическая социология, культурные исследования и исследования девиантности — наиболее очевидные исторические примеры.

Несмотря на некоторое движение в сторону прикладных исследований, социология как поле будет продолжать проигрывать в политической и прикладной области из-за длительного преобладания экономики и права в сфере политики и рекомендаций правительству — преимуществ, которые те не желают уступать. Возможно, это справедливо и для политической науки, но это не столь очевидно. Социология, вероятно, будет продолжать заниматься областями, в которых она уже работала: программами по улучшению благосостояния, переписью населения, семейной политикой, проблемами возраста и ухода на пенсию. Однако эти проблемы маргинальны по сравнению с экономической политикой, политикой в сфере окружающей среды и политикой регулирования. Другие специалисты будут иметь более весомый «голос», и эту ситуацию трудно будет переломить.

Еще одно обстоятельство ограничивает применение социологии на политическом и прикладном фронтах. К лучшему или к худшему, с разными национальными вариациями, социологию долгое время считали более «левой» (в политическом смысле), чем экономику, право и политическую науку, хотя, возможно, менее «левой», чем антропология и психология. Одна из причин этого состоит в ее реформистском импульсе, другая, может быть, заключается в ее относительной обособленности от политики по сравнению с другими полями — в разном чувстве профессиональной отчужденности. Из этого следует, что правящие круги с меньшей вероятностью будут обращаться к нашему полю за советом в политической области. К примеру, те, кто отвечает за обеспечение правопорядка или за управление тюрьмами, более заинтересованы в совете, полезном для эффективного исполнения предписанных им функций и видов деятельности. И менее вероятно, что они проявят интерес к советам тех, кто делает акцент на ужасных тюремных условиях, что ведет к тюремным бунтам, к эксцессам политической жестокости или к механизмам расовой дискриминации, наблюдаемым в правоприменении, в правовой системе и системе тюрем. В более общем виде: те, кто принимает политические решения, скорее услышат предложения по практическому, ограниченному, постепенному улучшению, чем о системных, не говоря уже о революционных, изменениях. Это также предполагает, что для социологов, возможно, более трудно сохранять позу бесстрастия, нейтралитета и объективно-

сти, учитывая общественные и государственные представления и стереотипы.

На мой взгляд, эти мои мысли и наблюдения соответствуют тому, что мы знаем о природе социологического исследования, о динамике изменения знания и о месте социологии в более широкой картине — картине общества в целом.

— *Профессор Смелзер, я искренне благодарен вам за интервью для «Журнала социологии и социальной антропологии». Хочу пожелать вам всего самого доброго.*

*Интервью провел проф. А.В. Резаев
Тренто, Италия
май 2010 г.*

Транскрипция и перевод с английского А.В. Резаева и Н.Д. Трегубовой

Литература

Смелзер Н. Социология: пер. с англ. М.: Феникс, 1994.

The Futures of Sociologists. International Round Table. University of Trento, Italy, May 18–20, 2010.

Kuhn Th.S. The Structure of Scientific Revolutions. Chicago: University of Chicago Press, 1972.

Luce R.D., Smelser N.J., Gerstein D.R., Sperlich S. The Behavioral and Social Sciences: Achievements and Opportunities, published as a report of the Committee on Basic Research in the Behavioral and Social Sciences of the National Academy of Science. Washington, D.C.: National Academy Press, 1988.

Parsons T., Smelser N.J. Economy and Society. London: Routledge and Kegan Paul and Glencoe, IL: The Free Press, 1956.

Smelser N.J. Social Change in the Industrial Revolution: An Application of Theory to the British Cotton Textile Industry, 1770–1840. London: Routledge and Kegan Paul and Chicago: University of Chicago Press, 1959.

Smelser N.J. Theory of Collective Behavior. New York: The Free Press of Glencoe, 1962.

Smelser N.J. The Sociology of Economic Life. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1963.

Smelser N.J. Comparative Methods in the Social Sciences. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1976.

Smelser N.J. Collaborating with Talcott Parsons: Some Intellectual and Personal Reflections // Sociological Inquiry. 1981. Vol. 51. Nos. 3–4, pp. 143–54.

Smelser N.J. Social Paralysis and Social Change: British Working-Class Education in the Nineteenth Century. Berkeley: University of California Press, 1991.

Smelser N.J. Sociological and Interdisciplinary Adventures: A Personal Odyssey // The American Sociologist. 2000. Vol. 31. No. 4, pp. 5–33.

Smelser N.J. Reflections on the University of California: From the Speech Movement to a Global University. Berkeley: University of California Press, 2010.

Smelser N.J., Baltes P.B. (eds.) *International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences*. 26 volumes. Oxford: Elsevier, 2001.

Smelser N.J., Davis J.A. (eds.) *Sociology: A Survey Report*, published as a report of the Sociology Panel of the Behavioral and Social Sciences Survey, sponsored by the Social Science Research Council and the National Academy of Sciences. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1969.

Краткая библиография

Нил Джозеф Смелзер родился в 1930 г. в городе Кахока, штат Миссури. В 24 года стал соавтором «Экономики и общества» со своим учителем, Толкоттом Парсонсом. Получил степень PhD в Гарвардском университете в 1958 г., работал в Калифорнийском Университете, Беркли с 1958 по 1994 г. Был директором Центра комплексных исследований в поведенческих науках (The Center for Advanced Study in the Behavioral Sciences) с 1994 по 2001 г. Стал 88-ым президентом Американской Социологической Ассоциации (ASA). Является соредактором Международной энциклопедии социальных и поведенческих наук (International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences) (2001). Был избран в Национальную академию наук США (National Academy of Science), в Американскую академию искусств и наук (American Academy of Arts and Sciences) и в Американское философское общество (American Philosophical Society).

Его исследовательские интересы включают социологическую теорию, экономическую социологию, социологию образования и социальные движения.

Женат, имеет четверых детей.

Избранные публикации

Economy and Society (with Talcott Parsons). London: Routledge and Kegan Paul, 1956. Translated into Italian and Japanese.

Theory of Collective Behavior. London: Routledge and Kegan Paul and New York: The Free Press of Glencoe, 1962.

The Sociology of Economic Life. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1963. Second edition: Prentice-Hall, 1975.

Readings on Economic Sociology. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1964.

Essays in Sociological Explanation. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1968.

Sociological Theory: A Contemporary View. New York: General Learning Press, 1971.

Karl Marx on Society and Social Change. Chicago: University of Chicago Press, 1973.

Comparative Methods in the Social Sciences. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1976.

The Changing Academic Market: Institutional Context and a Case Study (with Robin Content). Berkeley: University of California Press, 1980.

The New International Economy (co-edited with Harry M. Makler and Alberto Martinelli). Beverly Hills and London: Sage Publications, 1982.

Sociology. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1981. Fifth edition, 1995. (Русский перевод: Смелзер Н. Социология: пер. с англ. М.: Феникс, 1994.)

Handbook of Sociology. Westbury Park, CA: Sage Publications, 1988.

Economy and Society: Overviews in Economic Sociology (co-edited with Alberto Martinelli). London: Sage Publications, 1990.

Интервью с профессором Нилом Смелзером

The Handbook of Economic Sociology (co-edited with Richard Swedberg). Princeton, NJ: Princeton University Press and New York: Russell Sage Foundation, 1994.

Problematics of Sociology: The Georg Simmel Lectures, 1995. Berkeley: University of California Press, 1997.

The Social Edges of Psychoanalysis. Berkeley, University of California Press, 1999.

Diversity and Its Discontents: Cultural Conflict and Common Ground in Contemporary American Society (co-edited with Jeffrey C. Alexander). Princeton, NJ: Princeton University Press, 1999.

International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences (co-edited with Paul B. Baltes). Oxford: Elsevier, 2001. 26 Volumes.

The Faces of Terrorism: Social and Psychological Dimensions. Princeton: Princeton University Press, 2007.

The Odyssey Experience: Physical, Social, Psychological, and Spiritual Journeys. Berkeley: University of California Press, 2009.

Reflections on the University of California: From the Free Speech Movement to a Global University. Berkeley: University of California Press, 2010.